

ЛГУНЬЯ

*Моральная дилемма
для думающего читателя.*
Financial Times

АЙЕЛЕТ ГУНДАР-ГОШЕН

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНА НОЧЬ, МАРКОВИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СИНДБАД

Айелет Гундар-Гошен

ЛГУНЬЯ

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
СИНДБАД
Москва, 2019

16+

Ayelet Gundar-Goshen
Ha-Shakranit Ve-Ha-Ir
THE LIAR AND THE CITY

Copyright © Ayelet Gundar-Goshen, 2018

Published by arrangement with *The Institute for the Translation of Hebrew Literature*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2019

Издание осуществлено при поддержке Посольства Государства Израиль
в Российской Федерации

Published with the assistance of the Embassy of the State of Israel to the
Russian Federation

Перевод с иврита Бориса Борухова

Гундар-Гошен А.

Лгунья / Айелет Гундар-Гошен ; [пер. с иврита Б. Борухова]. — М. :
Синдбад, 2019.

ISBN 978-5-00131-194-2

За все семнадцать лет жизни с Нофар ни разу не случилось ничего интересного. На летние каникулы она устроилась в кафе-мороженое, надеясь завести друзей или познакомиться с симпатичным парнем.

В один из последних августовских дней в кафе зашел некогда известный, но давно забытый эстрадный певец Авишай Милнер. Он был в дурном настроении и решил отыгаться на молоденькой официантке. Оскорбленная Нофар убегает в переулок за магазином, он пытается ее догнать, чтобы извиниться, она кричит... и заявляет собравшимся, что он пытался ее изнасиловать. Почти бессознательно произнесенная ложь, начав жить своей жизнью, круто изменит судьбы Нофар, Авишай Милнера и паренька Лави, который видел все, что было — а именно что ничего не было, — и решил примерить на себя роль крутого шантажиста.

*Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма
«Корпус Права» **Korpus Prava***

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

Издательство «Синдбад», 2020

Йоаву

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Лето близилось к концу. Жара немного отступила и в воздухе повеяло осенью. Горожане, заточившие себя в своих кондиционированных домах и квартирах, даже не ощутили этого. Возможно, осень так и промелькнула бы никем не замеченной, если бы о ней не объявили длинные рукава, внезапно сменившие короткие на всех манекенах в витринах магазинов.

Возле одной из таких витрин стояла девушка; из стекла на нее смотрело ее собственное лицо. Девушка была низковатой и немного веснушчатой, манекены — высокими и красивыми. Возможно, именно поэтому девушка не стала задерживаться и быстро пошла прочь. Изумленно хлопая крыльями, перед ней взлетела стая голубей. Девушка пробормотала: «Извините» — и пошла дальше, а голуби, уже забыв, чего испугались, снова уселись на ближайшую скамейку. У входа в банк змеилась очередь к банкомату. Возле нее стоял глухонемой нищий с протянутой рукой, но люди в очереди притворялись слепыми. Глаза девушки на мгновение встретились с глазами нищего. Она снова пробормотала: «Извините» — и пошла дальше. Она торопилась: боялась опоздать на работу. Девушка хотела перейти дорогу, но громкий гудок приковал ее к месту: мимо сердито проехал огромный автобус. Плакат на его заднем окне поздравил девушку с Новым годом¹. Праздник начинался только через неделю, но улицы уже пестрели объявлениями о дешевых распродажах. Через дорогу трое девушек ее возраста фотографировались на фоне фонтана, и их звонкий смех отражался от плиток тротуара. Она слушала, как хохочут девушки, и твердила себе, что ей все равно; ей совершенно все равно, что она одна.

Она пересекла площадь и поспешила дальше. Рыжеволосые продавщицы в магазинах говорили клиенткам «Вам идет», добавляли «Я бы на вашем месте взяла два» и украдкой поглядывали на часы: скорей бы перерыв, пока не лопнул мочевого пузыря.

За прилавком стоял симпатичный парень. Пальцы, которыми он сегодня утром гладил волосы любимого, бегали по клавишам кассы. Когда покупатели выходили из магазина, их пакеты с шуршанием терлись друг о друга, и это шуршание было верным знаком того, что в город пришла осень, — таким же верным, как шелест опадающей листвы.

В соседнем кафе-мороженом девушка тоже встала за прилавок. Она подавала ложечки желавшим попробовать мороженое и думала о том, что летние каникулы вот-вот кончатся, а лично ее так никто и не попробовал. Она единственная во всем классе оставалась девственницей. А следующим летом, когда поля пожелтеют, ей надевать зеленую армейскую форму.

Она протянула мороженое стоявшему перед ней мальчику и, сказав — в тысячный раз на этой неделе — «пожалуйста», изо всех сил постаралась улыбнуться. Следующий в очереди человек сказал, что хочет попробовать инжирный сорбет. Нофар сразу поняла, что он не купит инжирный сорбет: попробует, потом попробует еще десять сортов и в конце концов попросит шоколадный — однако взяла пластмассовую ложечку, зачерпнула инжирный сорбет и бросила взгляд на циферблат над прилавком. Еще каких-то семь часов потерпеть.

Но тут дверь открылась, и вошли они. Нофар ждала этого момента все лето, даже подробно описала его в своем дневнике: как в кафе-мороженое войдет Йотам; как он удивится, увидев там ее; как она предложит ему мороженого за счет заведения; как он взамен

предложит подвезти ее до дома на своем мотоцикле; как она скажет, что заканчивает работать только через несколько часов, а он скажет, что несколько часов — это пустяки. Но когда — за три дня до конца каникул — этот момент наконец-то наступил, Йотам пришел не один, а с компанией, и в этой компании была Шир. Шир, которая еще четыре месяца назад была подругой Нофар. Ее единственной подругой.

Ни один из пяти человек у прилавка не был таким уж красавцем, но Нофар все они казались просто бесподобными. Принадлежность к свите Йотама словно озаряла их неким сиянием, как если бы тот факт, что их пятеро, умножал красоту каждого по меньшей мере в пять раз. Они смотрели на сорта мороженого в витрине, раздумывая, что заказать, и на мгновение Нофар захотелось, чтобы они ее не заметили; но тут Йотам поднял свои бесподобные глаза, взглянул на нее, наморщил брови и сказал:

— А ты вроде из нашей школы.

Остальные тоже подняли глаза, и Нофар едва сдержалась, чтобы не опустить свои.

— Ты в одном классе с Шир, да? — спросила Моран, завязывая волосы в хвост движением столь же привычным, сколь и очаровательным.

Нофар торопливо кивнула. Да, она училась в одном классе с Шир. Вообще говоря, она сидела рядом с Шир со второго класса, пока — четыре месяца назад — не пришла утром в школу и не обнаружила, что та ее «уволила». Без предварительного, так сказать, уведомления.

На мгновение воцарилось молчание, а затем Йотам сказал:

— Я, пожалуй, возьму ванильное с печеньем.

Нофар начала накладывать мороженое в стаканчик, и он добавил:

— В рожке.

Вот и все, что он ей сказал. Потому что сразу после этого заговорили другие: какое мороженое и с какими добавками хотят, а Моран — с фальшивой заискивающей улыбкой — попросила побыстрее, потому что фильм, на который они собрались, начинается через двадцать минут. Все это время Шир стояла молча и смотрела на Нофар немного виноватыми глазами, но в конце концов сказала, что возьмет ванильное. Хотя могла и не говорить, Нофар и так знала, какое мороженое она любит. Через пять минут они ушли в кино, и Нофар взглянула на красно-оранжевую мозаику сорбетов в витрине. Стекло было усеяно отпечатками пальцев, но все эти пальцы указывали на мороженое. Ни один не указывал на нее.

Входная стеклянная дверь открылась, и в кафе ввалилась шумная стайка детей. Когда этот день закончится, Нофар поставит не те песни, которые, как утверждает Габи, привлекают клиентов, а музыку, которую любит сама. Да, придется поднимать оброненные посетителями салфетки и собирать грязные ложки, которые малыши оставят на столах, а родители не удосужатся выкинуть. Да, надо будет мыть полы, смывать с витрины отпечатки пальцев и выносить мусор. Однако звучать при этом будет ее любимая музыка. Потом Нофар возьмет пластиковую коробку, наполнит мороженым и отнесет стоящему возле фонтана бездомному. А может, просто положит мороженое рядом. Потому что, когда она подошла к бездомному в прошлый раз, он крикнул что-то неразборчивое — она ничего не поняла.

Она так погрузилась в размышления о бездомном, о мороженом и о компании, сидящей в кино без нее, что, когда наконец посмотрела по сторонам, то увидела, что дети убежали, не заплатив. Теперь Габи вычтет у нее из зарплаты. От обиды к горлу подступил тяжелый ком; Нофар сделала глубокий вдох и сглотнула его. Еще

шесть с половиной часов. Скорей бы этот день закончился!

Она не знала, что этот день кончится не так, как все предыдущие, не знала, что этот день изменит всю ее дальнейшую жизнь и что ей совсем недолго осталось быть неприметной продавщицей мороженого.

*

Когда она родилась, то весила три килограмма четыреста граммов, и помимо этого сказать о ней было нечего. Всего лишь потому, что за мгновение до этого ее попросту не существовало. Люди, еще минуту тому назад именовавшиеся Ронит и Цахи, а теперь называвшиеся мамой и папой, смотрели на нее сквозь слезы волнения. Роды продолжались девятнадцать часов, и под конец голосовые связки Ронит были измочалены почти так же, как барабанные перепонки Цахи. Лежавшая между ними только что появившаяся на свет девочка была чрезвычайно красной и сморщенной, но акушерка сказала, что это пройдет.

— Она будет красавицей, — уверенно заявила она. — Как цветок.

Что заставило акушерку изречь такое пророчество, неизвестно, но родители восприняли ее слова как истину в последней инстанции. Ронит осторожно подняла девочку. Ее поражало, что эти три килограмма четыреста граммов, еще недавно бывшие частью ее собственного веса, теперь существуют сами по себе.

— Назовем ее Нофар, — прохрипела Ронит, — и она будет красавицей.

— Как цветок², — кивнул Цахи.

Медсестра отправилась по своим делам — в другие палаты, к другим роженицам, — а у девочки, еще до того, как ей исполнилось десять минут, были уже и предсказанная судьба, и имя.

Выбрать имя ребенку — дело серьезное. Не успевают клеточки в животе матери начать делиться, как мнения родителей разделяются. Отец хочет «Тамар», а мать требует «Даниэль»; отец настаивает на «Михаль», а мать категорически заявляет: «Яэль». Возможно, стоило бы подождать, пока клетки превратятся в живое существо — чтобы имя родилось из человека, а не человек рождался с готовым именем. Но родители ждать не способны, их чаяния и надежды мчатся вперед галопом и уносятся, бывает, так далеко, что ребенку всю жизнь приходится бежать позади, не поспевая за их мечтами. Нофар Шалев не была уродливой — отнюдь, — но акушерка сказала: «Она будет красавицей», и это предсказание преследовало Нофар с пеленок. Она выросла неуверенной в себе и замкнутой и чувствовала себя в этом мире незваной гостьей на чужом пиру. Сейчас, стоя за прилавком в кафе-мороженом, она вспоминала тот момент, когда Йотам с компанией вошел и увидел ее. «А ты вроде из нашей школы». Было ясно, что он не знал, как ее зовут. И даже поинтересоваться не пожелал.

Когда наплыв посетителей немного схлынул, Нофар взяла ключ, висевший на крючке, как самоубийца на веревке, и побежала в служебный туалет во внутреннем дворе. Две уличные кошки перестали совокупляться и сердито на нее зыркнули, но секунду спустя взмахнули хвостами и вернулись к своему занятию. Нофар вбежала в тесную туалетную кабинку и поспешно закрыла за собой дверь, как если бы увидела не кошачью случку, а — не приведи господь — соитие собственных родителей.

Выйдя из туалета, она — дрожащей рукой — оправила синее платье, которое в туалете пришлось задрать. В начале лета Нофар одолжила его у сестры. И очень надеялась позаимствовать у Майи вместе с платьем и ее шарм. Младшая сестра двигалась так

плавно, так грациозно, что городские светофоры при ее приближении краснели от удовольствия, и пробок на запруженных дорогах становилось еще больше: светофоры заливались похотливым румянцем, и движение вставало намертво. Потому на каждом переходе Майя шла на зеленый, и даже на самых оживленных перекрестках ей никогда не приходилось ждать. У Нофар все было иначе: она всегда ждала.

В раннем детстве люди их не различали. Разница между сестрами была меньше года, и младшая нагоняла старшую стремительно, как антилопа. Родилась Майя преждевременно, и врачи объясняли это душевным состоянием Ронит — перед самыми родами ее мужа призвали на резервную службу. Но в действительности схватки начались раньше потому, что сестре, сидевшей внутри, не терпелось сравняться с той, что снаружи. Робкая продавщица мороженого совсем не была тогда робкой. Наоборот. Нофар была кругленькой и гладенькой, как яблочко, а ее маленькие ручки цеплялись за каждый протянутый палец. Весь мир принадлежал ей — хватай и пробуй! — а под языком медленно созревало сладкое слово «папа» — первый подарок родителям, ждущий своего часа. Однако, когда этот час наступил, отец ушел в армию, и мать, чье лицо раньше светилось, как восходящее солнце, стала походить на измученную птицу с перебитым крылом.

Нофар знала эту историю хорошо — в семье ее рассказывали постоянно. И так же, как в школе она научилась стоять по стойке «смирно», когда звучал гимн, во время прослушивания семейного «гимна» девочка вела себя соответственно: когда слышала знакомые слова, склоняла голову, а в нужные моменты бормотала «слава богу». Когда скорая помощь забрала маму, соседка — слава богу — сразу позвонила папе. Папу — слава богу — успели позвать к телефону буквально за минуту до того, как началась наземная

операция. Узнав, что у папы родилась дочь, командир — слава богу — отпустил его на двенадцать часов. И (в этом месте «слава богу» говорить было нельзя; однажды Нофар ошиблась, и мама посмотрела на нее так, что захотелось умереть) невероятно, но буквально через минуту после того, как папа уехал домой, его танк вошел в Ливан и все погибли. Иными словами, благодаря рождению Майи папа — слава богу — спасся. Последнее предложение с годами укоротилось до «благодаря Майе папа — слава богу — спасся». Не благодаря ее рождению (событию сугубо медицинскому), не благодаря командиру (который дал папе отпуск, получил посмертно медаль, и в память о нем певец Шломо Арци сочинил песню), а благодаря Майе. Это знали все, и все об этом говорили. Так что, когда Нофар наконец пролепетала «папа», этого почти никто не заметил. Подумаешь. Все дети рано или поздно говорят «папа». Однако не все дети спасают папу из горящего танка.

В первый день работы в кафе-мороженом Нофар оделась нарядней, чем обычно: в платье Майи. Впервые в жизни у нее была возможность начать что-то с чистого листа, и лучшего места для этого, чем кафе-мороженое, было не придумать. Ибо кафе-мороженое — это чудесная страна вкусов и цветов. Как если бы кому-то удалось поймать радугу, на одном ее конце навесить дверь, на другом — поставить кассу и поместить радугу на углу улицы.

Родители похвалили Нофар за то, что та решила поработать в летние каникулы, но делала она это не только ради денег. Она каждый день почти час добиралась сюда с окраины города ради людей, ради чужих глаз, не знавших, к счастью, про нее того, что знала вся ее улица: что про нее и знать-то нечего, что с ней никогда ничего не случается, ни неприятностей, ни приключений. Она была непримечательным,

безвредным существом, которому только что исполнилось семнадцать.

Даже прыщи ее не выделяли. На лицах у подростков порой можно увидеть поразительные, незабываемые геологические образования: глубокие кратеры, обрамленные холмами долины; но сальные железы Нофар функционировали сдержанно — оккупировали лоб и маленький анклав на носу и этим ограничились. Прыщи Нофар никому не мешали, однако очень мешали ей самой, и втайне она называла себя «уродской мордой».

Имена и прозвища — очень опасная штука, и доказательством тому мог служить Лави Маймон, живший на четвертом этаже дома, в котором находилось кафе. Сколько бы шариков шоколадного мороженого он в себя ни забрасывал, все равно оставался тощим, как один из тех столбиков, которые мэрия устанавливает на улицах, чтобы люди пристегивали к ним велосипеды. Возможно, Лави смирился бы со своим жалким существованием, назови его родители поскромнее. Однако на своих щуплых плечах он нес имя самого царя зверей³. В детстве Лави надеялся, что, когда повзрослеет, у него отрастет грива, а под кожей вздуются мышцы; но годы шли, а грива расти отказывалась. На подбородке торчало всего четырнадцать волосков — каждый вечер он пересчитывал их перед зеркалом. Про мускулы и говорить не приходилось.

Его отец, подполковник в отставке Арье Маймон, командовал своим бизнесом так же решительно, как в свое время командовал солдатами, и, подобно тому как солдаты Арье Маймона взбирались в бою на холм — потому что пуль засевших наверху террористов боялись меньше, чем взрывов командирского гнева, — росли и акции фирмы, созданной Арье Маймоном после

демообилизации. Страшась испепеляющего начальственного взгляда, они взлетали все выше и выше, превосходя самые смелые ожидания финансовых аналитиков.

Подполковник Арье Маймон не давал сыну имя Лави; это сделала жена подполковника, молодая красивая женщина, обожавшая мужа, страну и инструктора по пилатесу (не обязательно в этом порядке). Имя Лави ей чрезвычайно нравилось, и подполковник разрешил супруге, в виде исключения, принять решение самостоятельно. Но, когда мальчик повзрослел и стал подростком, стало очевидно, что в нем нет ни намек на хищное обаяние отца⁴. В мир больших кошек его допустили бы разве что в качестве потенциального обеда. В первые годы отец еще рычал на сына и пронзал его тем самым взглядом, которым в прошлом заставлял солдат лезть на холм, а акции — взлетать, но спустя какое-то время перестал делать даже это, и Лави заскучал по громогласным выговорам, даже по рычанию. Все лучше, чем гробовое молчание — верный признак разочарования.

Вечером, когда мама наводила марафет перед уроком пилатеса, а папа благодушно мурлыкал перед экраном телевизора, Лави открывал в своей комнате окно и смотрел на улицу. Внизу текла бурная городская река, по берегам-тротуарам которой прогуливались стайки подростков. У них были каникулы. Лави слушал их смех и думал: будут ли они смеяться, если перед ними с глухим звуком шлепнется его тело? Склонятся ли над ним сострадательные девушки? Проведут ли тонкими пальцами по его стриженным волосам, по гриве, которая так и не выросла? Посмотрят ли на него если не с жалостью, то хотя бы с интересом? Достанут ли мобильники? Сфотографируют ли его распостертый

на земле труп, его обнимающие дорогу руки? Руки, которые еще ни разу не обнимали девочек...

Каждый вечер город украшал себя яркими огнями фонарей, а Лави Маймон стоял у окна и думал о своей смерти, представляя множество глаз, которые будут смотреть на него, когда он упадет перед входом в кафе-мороженое. Он бы, наверное, давно уже осуществил задуманное, если бы на южной границе не началась летняя военная операция, затопившая город воем сирен и оккупировавшая первые полосы газет. Лави не желал быть похороненным на последних страницах. Он ждал, пока бои закончатся. Но бои, слава богу, не прекращались: как только они заканчивались на юге, сразу же начинались на севере — и, просыпаясь по утрам, Лави видел, что газеты по-прежнему полны военными сводками. Куда тут втискивать историю его неудачного полета? Поэтому Лави все откладывал и откладывал свою смерть, и, таким образом, унесшая много жизней военная операция спасла по крайней мере одного городского парнишку.

А пока Лави стонал под бременем лежавшего у него на плечах львиного имени, Нофар Шалев сгибалась под тяжестью собственного. И как ей только в голову могло прийти, что именно здесь, в кафе-мороженом, из нее наконец-то проклюнется другая Нофар? Каждое утро она вставала за прилавок. Лето навалилось на город и овладело им. Соитие было веселым и потным, но сейчас на дворе стояла осень, и все вокруг снова выглядело благопристойно. Через несколько дней Нофар вернется в школу, и за плечами у нее не будет ни одной волнующей истории, принесенной из кафе-мороженого в центре города. Кроме тех, о которых она писала в своем дневнике. Как она надеялась на дерзкое любовное приключение со студентом, туристом или даже истыканной пирсингом уличной шпаной. Как мечтала, что пойдет в школу, а он последует туда за ней

и будет ждать на улице, за забором. А она побежит к нему — и все это увидят. И Шир увидит. И Йотам... Нофар была готова на все, лишь бы в последний учебный год не возвращаться в школу с пустыми руками. С руками, пальцы которых никогда не касались пальцев мальчика с иной целью, кроме как дать ему сдачу. Если бы она хотя бы нашла здесь новую подругу вместо Шир... Кого угодно, кто задержит на ней свой взгляд, хотя бы на мгновение...

На четвертом этаже стоял Лави Маймон и смотрел на улицу. Во дворике, оправляя руками платье, стояла Нофар Шалев, и оба не подозревали, что не одиноки в своем страдании — страдании человека, чье имя предъявляет ему непосильные требования. Возможно, обоим было бы легче, знай они, что где-то — на другом конце земного шара или на расстоянии четырех этажей — есть человек, испытывающий такую же боль. Но не факт. Ведь человека, у которого болит зуб, не утешают стоны соседа по скамье, когда он сидит в очереди в поликлинике.

И хотя Лави Маймон и Нофар Шалев ничего друг о друге не знали, они — практически одновременно — печально вздохнули. И единственная разница между Нофар Шалев и Лави Маймоном состояла в том, что Лави так и остался у окна, а Нофар вдруг поняла, что перерыв закончился, что она опаздывает, и бросилась бежать. Она бежала так быстро, словно знала, что торопится сейчас не только в кафе-мороженое, но и к тому мгновению, когда все изменится, к судьбе, которая уже ждала ее по ту сторону прилавка.

ЗА ДОЛГОЕ ВРЕМЯ, проведенное за прилавком, у Нофар выработалась привычка вглядываться в лица клиентов и угадывать, кто оказался в кафе-мороженом случайно, а кто пришел сюда намеренно. Случайные посетители были самыми приятными. Они не спеша гуляли по улицам, плавали по тротуару, как карпы, пока не появлялась приветливая вывеска кафе-мороженого и не поддевала их на крючок. Те же, кто приходили намеренно, были совершенно иными. Для них кафе-мороженое служило пунктом, где выдают компенсацию за тяжелый рабочий день, местом, «где сердце успокоится». Нофар читала это по их злым глазам и плотно сжатым ртам. Пробовавшие все новые и новые сорта мороженого, они оставались вечно недовольны. Такие клиенты поедали свои рожки, словно глотали обезболивающее, — в один присест, лишь бы скорей подействовало.

Нофар без труда определила, что клиент, ожидавший ее у прилавка, принадлежит к числу пришедших намеренно. Не неспешная прогулка привела его сюда, а испорченный день.

— Добрый вечер, — сказала она и не удивилась, когда он не ответил. — Чем я могу вам помочь? — спросила она, стараясь улыбаться, хотя чувствовала себя без сил — после пробежки по двору и от мыслей о неурожайном лете.

Мужчина бросил на Нофар раздраженный взгляд и пробурчал, что стоит здесь уже десять минут.

— Сколько я должен ждать, чтоб меня обслужили?!

Это было неправдой: он ждал не десять минут. На самом деле он ждал меньше пяти минут. Однако за эти пять минут он успел получить эсэмэс от своего

агента. Тот сообщал, что телевизионное начальство все обдумало и пришло к выводу, что им не нужен еще один песенный конкурс. Агент не стал добавлять, что, даже если бы начальство и решило, что конкурс нужен, оно все равно не стало бы прибегать к услугам певца, давно вышедшего в тираж. Уже семь лет, как вышедшего, если быть точным. Просто невероятно, как быстро прошло семь лет. Всего миг назад он был в центре внимания и на первых полосах газет; полтора миллиона человек проголосовали за него по эсэмэс в тот чудесный вечер; вся страна прислала ему цифровое признание в любви. А теперь он здесь, в этом жалком кафе, перед этой жалкой продавщицей. Она смотрит на него и ждет, пока он скажет, какое мороженое выбрал, и во взгляде ее — ни намёка на узнавание. Она понятия не имеет, кто он такой!

Впоследствии, когда скандал немного утихнет, Авишай Милнер будет задаваться вопросом: не в этот ли момент все началось? Девушка посмотрела на него из-за прилавка пустыми глазами, и в этой пустоте погибла его душа. Он утонул во тьме анонимности, в пучине заурядности. Возле девушки за прилавком Авишаю Милнеру было нечем дышать. Из последних сил он твердил себе, что он не просто еще один клиент. Он — Ави-шай! Мил-нер! Так объявил его ведущий в финале конкурса, разрезав его имя, как разрезают горячий свежий хлеб, и растягивая — к удовольствию публики в зале — слоги: Ави-шай! Мил-нер! Зрители, смотревшие конкурс по телевизору, салютовали ему миллионом голосов. В последующие недели его имя было у всех на устах. В пабах и клубах на него бросались красивые женщины — женщины, желавшие отведать его, женщины, желавшие быть отведанными им, — и он занимался с ними любовью. Однако больше всего он занимался любовью с самим собой. Он совокуплялся с Авишаем Милнером до потери пульса, и каждая

нимфа, стонавшая ему в ухо «Ави-шай», была всего лишь ласкающим ухо эхом того незабываемого момента, когда ведущий открыл конверт, заглянул в него своими добрыми, ласковыми глазами и на всю страну объявил победителем юношу из пригорода: «Ави-шай! Мил-нер!»

Трудно сказать, что потом пошло не так. Как певец, Авишай Милнер был не лучше Элирана Вакнина (тот же ведущий объявил его победителем за год до того, и Вакнин появлялся в хит-парадах по сей день), но он не был и хуже. Лицом он ничуть не уступал Аси Сариге, победившему через год после него и успевшему с тех пор сыграть несчастного врача в одном телесериале, несчастного солдата — в другом и несчастного отца мальчика-аутиста — в фильме, который вот-вот выйдет на экраны. Это казалось необъяснимым. Да и в его характере отсутствовали изъяны, на которые можно было бы все списать. В случившемся отсутствовала всякая логика, и это-то и мучило Авишай Милнера больше всего. Абсолютная беспричинность падения приводила певца в ужас, так как намекала, что взлет тоже был беспричинным — не прямым следствием его таланта, а случайным стечением обстоятельств.

Сообщение от агента пришло Авишаю Милнеру после долгих недель ожидания. С тех пор, как он послал предложение телевизионному начальству, певца терзала одышка и бессонница. Слава сбросила его со спины, как дикий бык на родео, и била его, лежачего, копытами. Он обязан был найти способ подняться, и чем дольше телевизионное начальство медлило с ответом, тем сильнее он нервничал. Во сне к нему приходил ведущий, брал за руку и говорил, что после рекламы они споют дуэтом, но тут вдруг, к своему ужасу, Авишай понимал, что не помнит слов, а микрофон у него в руке превращался в страшную змею. Иначе говоря, шагая по улице, он понял, что ему жизненно необходимо съесть что-то сладкое. Но когда Авишай зашел в кафе,

то увидел, что там пусто. За столиками сидели посетители и не спеша лакомились мороженым, однако за прилавком никого не было.

Что нужно человеку, пришедшему в кафе-мороженое и получившему плохие известия? Уверенная рука, которая предложит ему разнообразные шоколадные утешения; доброе лицо, которое будет терпеливо ждать, что он скажет; глаза, которые будут смотреть в его глаза и подтвердят, что да, несмотря ни на что, он все еще существует. Но когда Нофар вернулась к прилавку, она не узнала Авишай Милнера. И, хотя она изо всех сил старалась улыбаться, ей не удавалось скрыть проглядывавшую сквозь улыбку грусть. Как в тот раз, когда она примеряла слишком тесную блузку и из-под ткани выпирала непокорная плоть.

Авишай Милнер не знал, что платье, которое было на девушке, принадлежало ее красивой сестре. Не знал, что все лето Нофар ездила сюда в отчаянной надежде избавиться от своей заурядности. Он знал одно: он десять минут ждал, пока его здесь обслужат, а это ни в какие ворота не укладывалось.

— Это ни в какие ворота не укладывается! — заявил Авишай Милнер девушке за прилавком и, дабы подчеркнуть, насколько это не укладывается ни в какие ворота, с силой стукнул рукой по стеклянной витрине.

— Это ни в какие ворота не лезет, — ответила девушка.

— Что-что?!

— Надо говорить «ни в какие ворота не лезет» или «в голове не укладывается», а не «ни в какие ворота не укладывается».

Старшая дочь учительницы иврита, Нофар отлично знала, что нет людей противнее тех, что поправляют ошибки у других. Никто ведь не станет открывать рот жующему другу, вынимать еду и показывать, как правильно жевать. А слова — они как еда. Нельзя

отнимать их у языка, на котором они лежат. Но этот мерзкий тип встал по ту сторону прилавка, стукнул ладонью по витрине и оставил на ней еще один жирный отпечаток. Причем не для того, чтобы определиться с сортом мороженого. Рука, ударившая по стеклу, не указывала ни на манговый сорбет, ни на французскую ваниль. Не любовь к сладкому двигала посетителем, а желание показать, кто тут хозяин. Он стукнул по стеклянной витрине просто потому, что мог стукнуть.

Семнадцать лет и два месяца исполнилось Нофар в тот вечер, но ни разу за всю жизнь ей не приходило в голову стукнуть по прилавку. Потому что так устроен мир: есть люди, которые по прилавкам стучат, а есть те, что за прилавками стоят и спрашивают: «Чем я могу вам помочь?» Но в тот вечер Нофар прорвало. Йотам, Шир, веселая компания и поход в кино. Сестрино платье. Обида на лето, подходящее к концу... Только претензий этого человека ей сейчас не хватало. Если он все-таки горит желанием предъявить претензии, пусть соизволит делать это на правильном иврите. Иначе это ни в какие ворота не лезет.

Авишай Милнер ошарашенно взглянул на поправившую его продавщицу. Какая неслыханная наглость! Он всегда считал себя человеком, который дружит со словами, — даже тексты для своих песен сочинял сам — и теперь призвал на помощь все свое умение, чтобы разодрать эту девчонку словами до костей:

— Ну ты овца! Что, брови выщипать мозгов не хватило? А прыщи? Тебе никто не говорил, что выдавливать прыщи не рекомендуется? Знаешь, на что похожа твоя физиономия? На пиццу, только маслин бы добавить! А фигура? Ты бы поменьше обжиралась, и так уже как бегемотиха! Кто с такой в койку ляжет? Давай мне мое ванильное с печеньем, корова глупая, и поживей!

Он протянул ей купюру в двести шекелей, и Нофар рефлексивно — как курица, которая и с отрубленной головой еще несколько секунд продолжает бегать, — взяла ее. Продолжая совершать привычные движения, она наполнила рожок мороженым, мгновение спустя осознала, что человек по ту сторону прилавка ее обезглавил, уничтожил как личность, — и, бросив рожок на пол, выбежала из кафе.

Уличные кошки несколько раз похотливо взвыли и собрались было возобновить прерванное недавно совокупление, но тут во двор снова вбежала продавщица мороженого. Она промчалась мимо кошек и понеслась к туалету. Длиннохвостые проводили незваную рыдающую гостью злобными взглядами, но та была слишком расстроена, чтоб их заметить. В ушах у нее все еще гремели слова посетителя. Слезы щипали глаза и нос. Подступали к горлу. Подумать только! Он все это ей говорил, а она стояла, слушала и молчала! Даже мороженое ему чуть не дала! Ну не дура?! Сейчас ей хотелось только одного: исчезнуть. Самые ужасные слова, которые раньше она говорила себе сама, — уродина, бровастая, прыщавая, жирная, никто тебя не захочет — эти слова только что сказал ей другой человек. В действительности Нофар была созданием вполне симпатичным; однако, втайне ненавидя себя, не сомневалась, что мужчина у прилавка сказал вслух то, что думали о ней все — клиенты за столиками, одноклассники, отец, мать, сестра. Нофар страшно хотелось где-нибудь спрятаться, но единственным местом, которое пришло ей в голову, была та самая вонючая кабинка, из которой она незадолго до того вышла. Еще мгновение — и Нофар оказалась бы там, в надежно защищенной от внешнего мира, обложенной плиткой утробе, втиснувшись меж мусорным бачком и унитазом с поднятой крышкой... Но тут ее схватила сильная рука.

В последующие недели Авишя Милнера вновь и вновь будут спрашивать, что заставило его последовать за побежавшей в туалет малолеткой из кафе-мороженого, и он будет настаивать, что всего

лишь хотел потребовать у нее сдачу с двухсот шекелей, которые он ей дал и которые, как он считал, она унесла с собой. Но бесстрастные факты будут свидетельствовать против него: девочка не уносила двухсот шекелей с собой в туалет, они так и остались лежать на прилавке. Авишай Милнер, правда, будет решительно утверждать, что не видел на прилавке купюры, когда побежал за девочкой, но его утверждение, как и прочие детали этой истории, померкнет в сравнении с впечатлением, которое произвел вопль, изданный девочкой, когда Авишай Милнер схватил ее за руку. Парень-кассир из магазина одежды поднял голову; складывавшая рубашку рыжеволосая продавщица перестала ее складывать; уличные кошки удрали с замусоренного двора; сидевший на подоконнике четвертого этажа Лави Маймон понял, что прыжок придется снова отложить. Нофар Шалев оглянулась на Авишай Милнера, который ее сначала оскорбил, а теперь схватил за руку, и закричала что было сил.

Некоторые изменения происходят медленно. Геологическая эрозия, например, растягивается на десятки тысяч лет. Вода и ветер делают свое дело потихоньку. Горный хребет превращается в долину, море становится пустыней. И все это чинно, без спешки. Время, как громадная анаконда, ползет, не торопясь, и проглатывает самые высокие горы земного шара. Но есть перемены, происходящие мгновенно.словно чиркнули спичкой. «Да будет свет — и стал свет». Метаморфоза, случившаяся с продавщицей мороженого, была, судя по всему, именно такого рода. Семнадцать лет и два месяца ходила она по земле, но никогда даже не думала стукнуть по витрине, не говоря уж о том, чтобы завопить во внутреннем дворике. И вот теперь, рядом с этим человеком, сказавшим ей самые ужасные слова, душа девушки содрогнулась. Да, когда она

побежала во двор, то хотела только одного: исчезнуть. Но когда Авишай Милнер схватил ее за руку, в Нофар проснулось желание прямо противоположное — быть услышанной. Она вложила в этот крик всю обиду на слова, которыми он ее отхлестал. И обиду на слова, которыми хлестала себя сама. Она выкрикивала свое разочарование каникулами этого лета и всеми каникулами, им предшествовавшими. Она кричала, кричала и кричала, не слыша ни сирен полиции, вызванной на место происшествия, ни сирен пожарных, которые тоже подключились к операции, потому что так устроена природа — когда один шакал начинает выть, из тьмы ему отвечают сто других. Нофар Шалев закричала — и город ответил ей своими криками.

Вся улица прибежала посмотреть, что за беда случилась в замусоренном дворе, а поскольку беда случилась с Нофар Шалев, то все — и волоокий кассир, и рыжеволосая продавщица, и соседи с балконов, и двое дорожных полицейских — смотрели сейчас на нее. Даже компания уличных балбесов с пирсингом (которых обычно никто не интересуется и которыми, в свою очередь, никто не интересуется) — и та пришла поглазеть на происходящее. Тело Нофар купалось в сиянии сочувственных взглядов. В сиянии глаз, уставившихся — о, чудо из чудес — на ту, на ком раньше ничьи глаза не задерживались. И вот уже подбежала к ней красивая девушка в военной форме; ее золотистые волосы были завязаны хвостом и рвались из-под резинки на свободу, как сноп света. Она обхватила Нофар своими добрыми руками, сказала: «Все хорошо» — и произнесла эти слова так уверенно, как если бы она была уполномочена сказать их не только от своего имени, но и от имени всех силовых ведомств. Нофар отдалась теплему объятию; казалось, еще никто и никогда не обнимал ее так. Ее окутывал нежный запах духов этой феи в военной форме, а также еще один,

мужской — запах офицера, который всего минуту назад, на улице, обнимал сослуживицу за талию и прибежал с ней во двор, откуда послышался вопль. А пока девушка успокаивала Нофар, офицер и дорожные полицейские держали Авишай Милнера. «Что вы с ней сделали?! — допрашивали они его. — Чем вы ее так напугали?!»

«Ничего, — заорал он. — Я не сделал ей ничего!» — и несчастная девочка похолодела. Потому что знала, что это правда. Хам-посетитель не сделал ей ничего, что оправдывало бы присутствие здесь двух полицейских и офицера в звании капитана. Ибо в этой стране каждый гражданин имеет право протыкать своими словами сердце другого гражданина. Скоро ей придется сказать это девушке с ласковыми глазами и большой толпе, смотрящей на нее с такой симпатией, какой Нофар не достаивалась за всю свою жизнь. Все они были такими милыми, так волновались за нее... Что они скажут, когда узнают, что на самом деле ничего не случилось и они прибежали сюда совершенно зря? Они тут же отвернутся. Полицейские наверняка отругают ее за то, что она устроила весь этот сыр-бор, а она покорно понурит голову — как всегда — и вернется в кафе. Будет обслуживать ждущих своей очереди клиентов, протирать стеклянную витрину, спрашивать «Вам стаканчик или рожок?», «Чем я могу вам помочь?», «Какое мороженое вы хотите?».

И Нофар уже приготовилась со всем этим смириться, но тут Авишай Милнер снова открыл свой поганный рот. Оказалось, он не разрядился до конца. Или, может быть, зарядился злостью заново — так почти севший телефон оживает, если успеть подключить его к розетке. Людские взгляды напитали Авишай Милнера энергией. Как он истосковался по такой публике: по молодым и старым, по солдатам и полицейским! Как сказал тогда ведущий, «весь Израиль сейчас смотрит на нас». Неожиданно к Авишаю вернулось это знакомое,

пьянящее ощущение, которое испытываешь, когда находишься в эпицентре взрыва, в момент расщепления атома общественного внимания. Однако на сей раз внимание было неблагоприятным — никто не бросал ему цветов, никто не аплодировал, — и это потрясло Авишя до глубины души. Он заслужил любовь публики по праву. Он не позволит этой толстухе, мариновавшей его у прилавка, посмеившей его поправить и убежавшей с его деньгами, отнять у него то, что ему принадлежит!

И он снова стал хлестать девушку оскорблениями — «мерзкая бегемотиха», «я бы до тебя даже палкой не дотронулся» и так далее и тому подобное — и они взлетали вверх, как разогретые пламенем воздушные шары. На глазах у Нофар выступили слезы. Сначала этот человек оскорбил ее без свидетелей, а сейчас позорил на глазах у всех. Она высвободилась из объятий красивой девушки, закрыла лицо руками и разревелась. Сквозь пальцы Нофар видела, как заволновалась толпа. Ей задавали вопросы, но, оглушенная своими рыданиями, она их не слышала, и не ее вина, что стороннему наблюдателю ее всхлипывания казались кивками в знак согласия. Ее спрашивали: «Он трогал тебя?» — и ее прикрытое руками лицо дрожало, словно подтверждая, что да, трогал. Каждый новый ее всхлип был еще одним утвердительным кивком, и каждый новый кивок превращался в заголовок завтрашней газеты. Так в замусоренном внутреннем дворе неожиданным и совершенно невероятным образом родилась история об участнике телевизионного песенного конкурса, обвиненном в попытке изнасилования несовершеннолетней. И взглянули все на эту новорожденную историю и увидели, что она хороша. Не история, а просто конфетка!

*

Котята начинают ползать через несколько дней после того, как покинут материнскую утробу; жеребяткам удается подняться с земли через час после рождения; и только человеческие детеныши — ужасные копуши: проходит много месяцев, прежде чем они начинают стоять самостоятельно. Однако истории, производимые на свет людьми, в отличие от производимых ими медлительных детей, — создания на удивление проворные. Не успевают человек родить какую-нибудь историю — особенно такую, которая пахнет скандалом, — и та немедленно встает на ноги. Постоит минуту-другую, подержится за породившего ее автора — и пускается бежать. Причем вопрос не в том, откуда бежит история, а в том, куда и как далеко ей удастся добежать, прежде чем она будет остановлена неумолимыми законами природы, прерывающими любой бег.

Ужасная история про знаменитого певца и несовершеннолетнюю продавщицу мороженого появилась на свет божьим вечером, в восемнадцать часов сорок девять минут, в месяц элул⁵, и немного постояла на месте, вдыхая ароматный вечерний воздух. Но всего пару мгновений спустя она, не желая больше оставаться во дворе, унеслась вдаль, тогда как сам этот двор, еще недавно так стремительно заполнившийся, сейчас — столь же стремительно — опустел.

И полицейские, и пожарные, и девушка-златовласка, и ее возлюбленный-офицер, и, разумеется, гордые родители новорожденной истории — знаменитый певец и девушка из кафе-мороженого — пошли каждый своей дорогой, и уже трудно было сказать, они ведут эту историю за руку или она ведет их. Так или иначе, двор стал для нее уже мал. Разросшейся истории требовалось место попросторнее. Скажем, полицейский участок на центральной улице.

В ПОЛИЦЕЙСКОМ УЧАСТКЕ на центральной улице ей дали воды, чая, а потом и кока-колы, отрезали кусок медового пирога, принесенного одной из дежурных, предложили сесть, и, когда зад Нофар коснулся стула, она облегченно вздохнула. Целое лето она простояла почти без перерыва. Посетители стекались в кафе-мороженое, а она их обслуживала. Когда они уходили, она бросалась отмывать стеклянную витрину. Витрина снова начинала блестеть, но тут опять появлялись посетители, и все повторялось. Но сейчас она сидела, вытянув ноги, сжимала в руке стакан холодной кока-колы, в котором весело скакали пузырьки газа, и ее спрашивали, что случилось.

Сидевшая напротив приятная женщина наклонилась вперед. У нее были изящные тонкие пальцы, а лак на ногтях — красивый и очень нежный, почти прозрачный. Приятная женщина сказала, что ее зовут Дорит и что Нофар, наверное, трудно говорить и отвечать на вопросы, но это было Нофар как раз таки нетрудно. Труднее было, когда ее ни о чем не спрашивали. Труднее было целый день, целую неделю, целое лето работать, ни с кем не разговаривая. Женщина спрашивала, Нофар отвечала, и все это получалось на удивление просто. Всего-то-навсего повторять то, что уже сказано. Как на экзамене по истории еврейского народа. Зубрить Нофар умела хорошо — не зря она была отличницей, — и слова лились потоком. Сидящая напротив женщина никуда не торопилась. Ее добрые глаза смотрели на Нофар с огромным интересом. Она не перебивала, и, растаяв от ее внимания, Нофар говорила все более охотно. Неожиданно сбылось давнее предсказание акушерки: